

подлежит еще обстоятельному раскрытию на изучасмом всё более пристально материале. Мы всё более убеждаемся в том, что, несмотря на эмпиричность, натуралистические тенденции, Державин в сфере поэзии сделал более чем кто-либо до Пушкина для построения реалистической системы. Исключительная конкретность, предметность его творчества, материальность мира, им изображаемого — это было завоевание именно в данном направлении, так же как его поэтическая концепция человеческой личности, характера. Державин раскрывается для нас как поэт, откликнувшийся на передовые современные ему течения эстетической мысли. Винкельман, а затем и Дидро — вот с какими мыслителями сопоставил исследователь творческий метод Державина, и сопоставление это убедительно и органично (см. статью Е. Я. Давыко в настоящем сборнике); и тем более значительно раскрытие того, что даже мифологические, по внешности классические, образы Державина — не словесный орнамент, не рудимент классической отвлеченности, а словесное воплощение конкретных, виденных Державиным, предметов, что и эти образы — такие же портреты реальных вещей, как и описание обеденного стола в «Жизни Званской» (см. ту же статью). Необходимо надо будет в дальнейшей работе советским ученым прояснить связи Державина с народной стихией в искусстве, в языке, в складе ума. Эту проблему выдвигают уже статьи Белинского: она замечена и Полевым. Исследование этого вопроса уточнит и обогатит наше понимание Державина и его влияния на русскую поэзию.

Может быть, наиболее остро стоит вопрос о реалистических тенденциях в применении к творчеству Радищева, и в связи с ним — Крылова и его литературной группы. Нет сомнения в том, что именно революционность и глубокий демократизм Радищева обусловили его стремление сорвать маску с социальной действительности, представить ее в ее до конца подлинном виде; при этом Радищев поднялся до принципиальных обобщений, построенных на реальном материале действительности. Не в такой степени и не совсем в таком же смысле сказанное можно отнести и к лучшим произведениям Крылова времени его журналов. Между тем деятельность Радищева как большого художника, да и творчество Клушина, Плавильщикова, отчасти и Крылова — настойчиво ставят вопрос о так наз. русском «сентиментализме», или предромантизме. Мы уже знаем, что в русской литературе было одновременно два сентиментализма, враждебных друг другу: радищевский и карамзинский. Мы можем утверждать, что радищевский сентиментализм, более близкий к Руссо, Мерсье, передовым англичанам, не только является «предромантизмом», но и «предреализмом». Однако этот вопрос, имеющий первостепенную важность, должен еще быть внимательно изучен. Так или иначе несомненно, что вклад Радищева в сокровищницу будущего реализма весьма велик.

С точки зрения данной проблемы придется еще немало поработать и над выяснением роли дворянского сентиментализма Карам-